

Архетипические парадоксы российской ментальности

Заседателева А.Г.,

Концепция архетипа основывается, прежде всего, на идеях аналитической психологии. Архетип (греч) – прообраз, вошло в аналитическую психологию из произведений позднеантичных авторов. Юнг ссылается как на христианских апологетов Иринея, Августина, Ареопагита, так и на иудеев и язычников – Филона, Цицерона, Плиния. Согласно К.Г. Юнгу, «архетип – это коллективное бессознательное», универсальные базовые ценности, общественные нормы, представления, предрассудки, мифы, которые сохраняются в сознании каждого индивида и формируют важнейшие ключевые понятия в русском культурном архетипе. Коллективное бессознательное отражает опыт предыдущих поколений, воплощенный в общечеловеческих первообразах, память всего человеческого рода на генетическом уровне, когнитивная структура, в которой в краткой форме записан родовой опыт. Это коллективные универсальные паттерны составляющие содержание религий, мифологии, легенд и сказок.

В этих культурных формах происходит постепенная шлифовка образов в символы, всеобщие по содержанию.

В XX веке попытка создания философской теории символа была предпринята Э. Кассирером в работе «Философия символических форм», где был дан феноменологический анализ различных культурно-символических миров. Представитель французской школы функционализма К. Леви-Стросс определил наличие элементов изоморфизма в различных структурах, ему же принадлежит концепция особой бессознательной логики архаического мышления.

Культурные архетипы, оставаясь неизменными по существу, проявляются в самых разнообразных формах: в мифологических образах и сюжетных элементах, в религиозных учениях и ритуалах, в национальных идеалах.

В процессе генезиса культурных форм, в частности языческих, фетишизируются идеи, сохраняющие идеалы веры, правды, справедливости, формируется социально-утопический народный идеал «правдоискательства», как предвосхищения эсхатологической мечты о возможности утверждения высшего начала — справедливости как общественного равенства.

Как полагает К.Г. Юнг, для русских людей характерен «интуитивно-чувственный психологический тип», которому присущи особые способности к предчувствию, развитая интуиция, особое эмоциональное восприятие жизни, сосредоточенность на душевной, духовной, жизни. Так называемый «интуитивно-этический интраверт», не стремится быть объективным, «разумным», спокойным и жестко логичным, у русского человека эмоции преобладают над разумом, а страсти над материальными интересами, при этом основополагающими понятиями является «душа», «правда», а не рассудочная истина.

Понятие «правда» и «душа» тесно связано с понятием «совесть», это понятие как отдельная лексема отсутствует в европейских языках и переводится словом производным от латинского *consientia*, что соответствует в русском языке слову «сознание». В европейском переводе наблюдается размытость смысла и неразличение этих понятий, в то время как для русского языка понятия «сознание» и «совесть» неравноценные и неравнозначные. Для русской души совесть – это моральная парадигма внутреннего контроля, ответственности за свои действия нравственная самооценка, переживаемая как «угрызения совести». Поэтому в русском культурном архетипе понятие совести является компонентом духовной интенции практической деятельности.

Русский культурный архетип имеет существенные отличия от европейского, это обусловлено тем, что Россию обошла эпоха Возрождения, и в то время когда Европе переживала торжество гуманизма, в России происходило второе издание крепостничества. Понятие «социальный порядок» в России коррелируется с ориентацией на две установки: верой в авторитет харизматического лидера и надеждой на «чудо», которое он может совершить.

Социальные предписания, или нормы, существуют в любом обществе, однако в социоцентристском обществе они носят тотальный и универсальный характер. Для русского человека эти предписания наделяются еще и политическим смыслом.

Установка на «порядок» в русском культурном архетипе коррелируется с ориентацией на авторитет, который постоянно путает авторитет должности с авторитетом знания. Поэтому авторитеты в русском культурном архетипе превращаются в кумиров, не способных ошибаться, всегда «судящих праведно» и готовых дать правильные ответы на все «вопросы жизни», что и делает их предметом восхищения и преклонения.

В культурном архетипе русского человека сложились две установки в восприятии и отношении к авторитету. С одной стороны, это — вера в авторитет, наделяемый чертами харизматического лидера, и, соответственно, надежда и ожидание от него «чуда», сопровождаемое постоянной готовностью подчиняться авторитету. С другой стороны, это — контроль авторитета через постоянное соотнесение его деятельности с «общим делом» (национально-государственной идеей), которое сообща переживалось людьми. Если эта деятельность шла вразрез с этим «делом» и «переживаниями», то авторитет лидера падал и его, как правило, свергали, а иногда и жестоко с ним расправлялись.

Личность и индивидуализм никогда не представляли в русском духовном архетипе самоценности. Индивидуальная свобода и личная правда вытесняются им на периферию общественной жизни, в маргинальное состояние «лишнего человека», «босьяка» «диссидента»

Поскольку правда (справедливость) сравнивает и уравнивает людей, а свобода (ответственность) — различает и индивидуализирует, то русский человек ощущает в первую очередь единство социума, к которому он принадлежит, чем себе в социуме. Ощукая это единство, он вверяет свою судьбу социуму или государству, избавляясь от ответственности за свою судьбу и саму жизнь.

На этой основе в русском культурном архетипе происходит отчуждение

человека и социума, человека и государства, хотя только в социуме и государстве он чувствует себя уверенно. В русском культурном архетипе по этой причине не могла сформироваться такая ценность, как свобода, а возникла только воля как стихийная крайняя форма критики (протеста) личности против поглощения ее социумом, государством. В русском культурном архетипе свобода выглядит не иначе как «самовольничание», «своеволие», «самовластие», чуждые общему благу и общей воле. Парадокс свободы в русском культурном архетипе состоит в том, что отрицание возможности индивидуальной свободы, личной воли превращается в утверждение свободы для всех как общей коллективной воли, всеобщей «вольницы» и «вольготности», а также коллективной (корпоративной) воли, для которых есть своя правда.

Для культуры русского человека характерна фетишизация власти, порождающая квазиэтатизм, причем не в западном, а в восточно-имперском смысле. Квазиэтатизм основывался на том, что государственная власть мыслилась как главный стержень всей общественной жизни. В России оно складывалось на основе эксплуатации патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, подразумевающей «хорошее», отеческое, справедливое правление «доброго хозяина-отца». Основу такого квазиэтатизма составляла также психология мещанского рабства, «холопства», порождающих боязнь хаоса и воли как анархии и разбоя.

В XIV—XVII вв. государство в России отождествлялось с царем, власть которого в провиденциалистской ментальности наделялась религиозным смыслом; служение государю рассматривалось как служение Богу. В XVIII в. в России стала складываться новая система ценностных ориентации. На смену религиозной, преимущественно традиционалистской, ментальности, основу которой составляло «служение государю», пришли новые светские принципы, и главный среди них — «служение Отечеству» как основа национально-культурной идентификации. При этом под отечеством подразумевалось прежде всего Государство.

В русском культурном архетипе понятия отечество (родина), царь-государь (вождь) постепенно слились в одну номинацию государство, которое является предметом сакрализации и религиозного (идеологического) культа, Предназначение государства, государственной власти, персонифицированной в русском культурном архетипе с государем-вождем, состояло в доходчивом объяснении подданным сложностей пугающего их мира и формировании у них веры-ожидания, которую символизирует «дорога».

Иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, восстановить вокруг ту гармонию, которую он ощущает в себе. Поэтому его одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Иоанновским человеком движет чувство некоей космической одержимости. Он ищет разобщенное, чтобы его воссоединить, осветить и освятить.

От русского человека иоанновского типа отличается и восточный человек. Мессианству и одухотворенности русского человека, героизму и экспрессивности западного восточный человек противопоставляет «универсальность» («безвкусьность»). Природа приучила русского человека к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, работать скоро, лихорадочно, споро. Ни один народ в Европе не способен был к такому напряжению труда на короткое время,- каксе мог развить великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найти было такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии.

Борьба с природой требовала от русских людей совместных, коллективных усилий. Поэтому устойчивыми понятиями и установками их жизнедеятельности явились: «навалиться всем миром» и «аврал».

Отсюда в русском культурном архетипе складывалось своеобразное отношение к земле-матушке. Русский крестьянин никогда не был суверенным хозяином своего клочка земли, в поэтому он не научился заботиться о ней с самоотверженной любовью и добросовестностью. Как кочевой колонизатор, он пользовался ею хищнически; как крепостной, он обрабатывал землю помещика

без любви и осмотрительности. Делал он все «из-под кнута» только самое необходимое, так как знал, что достанется лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Как общинник, русский крестьянин также трудился без особого энтузиазма и бережливого отношения к земле по причине регулярных переделов ее между дворами.

Своеобразным было поэтому отношение русского крестьянина к земельной собственности и собственности вообще. В русском культурном архетипе не сложилось- представления о собственности, в нем не различаются такие понятия, как право владения, пользования и распоряжения. Это не давало повод иностранным путешественникам говорить о той легкости, с которой русский крестьянин присваивал чужую вещь. При этом воровство, оправдываемое бедностью, рассматривалось только как нанесение материального ущерба богатому потерпевшему. В то же время, когда русский человек что-то одалживал, то в его культурном архетипе слово одолжить нередко ассоциировалось с выражением «просто дать».

Страх, порождаемый капризностью и непредсказуемостью природы, и опыт суровой жизни выработали преклонение перед правом силы, но в то же время — уважение к природным стихиям, переходящее в удивление и восхищение красотой и гармонией природы. Все это веками, воспитывало у жителей Восточно-Европейской равнины пассивно-созерцательное, фаталистское отношение к миру.

Русский человек не позволял себе роскошь трансцендентной медитации: жизнь заставляла упорно трудиться, а борьба за существование принимала весьма конкретные формы. Поэтому фатализм у русских людей сочетался со стихийно-реалистическим отношением к жизни.

Невозможность рассчитать наперед, заранее разработать план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Не рационализм, а интуитивизм доминировал в его сознании. У русского человека больше восточной (византийской) иррациональности, чем западной рациональности и поэтому эмоция у него

всегда преобладают над разумом, страсти над интересами. Русский человек чаще идет за «голосом сердца», чем за рассудком.

Русский человек более склонен, потому что больше способен, обсуждать пройденный путь, чем продумывать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. Русский человек крепок задним умом, что делает его более осмотрительным, чем предусмотрительным. Он лучше замечает следствия, чем ставит цели и предвидит способы их достижения.

Великоросс своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями жизни (русская жизнь: «полоса — белая», «полоса — черная») часто производит впечатление человека непрямого и неискреннего. Однако он всегда идет к цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, постоянно оглядываясь по сторонам, и поэтому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Русский человек с древнейших времен придерживается принципа, что «лбом стены не прошибешь» и «только вороны прямо летают»

Природа и судьба, пишет В. О. Ключевский, вели великоросса так, что приучили выходить на дорогу окольными путями. Русский человек и мыслит так, как ходит, он часто думает надвое, а это кажется двоедушием.

Стремительное расширение территории Российского государства, сопровождаемое таким явлением, как народная колонизация, обилие свободных земель, суровая природа евразийского континента с небольшим населением, разбросанным по его огромным просторам, — все это также оказывало влияние на формирование русского культурного архетипа. В нем сформировались такие установки, как ориентация на экстенсивные виды хозяйственной деятельности. При этом особую ценность приобрели кратковременные формы интенсивной коллективной деятельности. В русском культурном архетипе формировались такие установки, как беспечность («пока гром не грянет»), стремление решать все проблемы за счет большой территории и громадных богатств.

Это стремление приводит к замещению внутренних духовных интенций, нравственных императивов деятельности внешними стандартами поведения, моральными или идеологическими предписаниями. Ответственность как

внутренний контролер и самооценка уступают место общественному мнению и оценкам референтных групп.

Потребность «быть как все» актуализирует у русского человека стремление переложить ответственность за результаты своей деятельности, а в целом и за свою судьбу и жизнь на социум, государство, к которым принадлежит. Это рождает у русского человека не только чувство единства, определенной безопасности и стабильности, но и комфорта, счастья, довольства.

Установка «быть как все» в русском культурном архетипе тесно связана с такой предрасположенностью поведения социума и человека, которая получила название соборности. Для этой предрасположенности характерно не противопоставление человека и мира, а ориентация на их единство при сохранении взаимной самостоятельности и самооценности.

«Соборность» — это установка на приоритет целого и возможность совершенствования частей только в силу их нераздельного единства с целым. Кроме того, русская соборность «означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости» (Н. Бердяев).

Соборность проявляется в любви как отказе от всего «своего», от самого себя ради других, в свободной жертве, в самоотдаче. В этом плане истинная любовь является отрицанием свободы как эгоистического самоутверждения личности. В российской соборности обнаруживается вторичная ценность свободы (в контексте самоутверждения) по сравнению с равенством и справедливостью, а также тяготение к охлократическому толкованию свободы как воли. Поэтому в контексте соборности общественное принуждение существует не только благодаря насилию, оно является следствием неготовности людей к свободе, сопряженной с ответственностью.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.

2. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994.
3. Касьянова К. Л. Русский национальный характер. М., 1992.
4. Костомаров Н. Л. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
5. Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. 1—2. М., 1990.
6. Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.. 1991.
7. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия // Собр. М. Забелиным. Симферополь, 1992.
8. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990.
9. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992.
10. Юнг К. Архетип и символ. М., 1994.